

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ: ОГРАНИЧЕНИЯ МЕТОДА И ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В МАЛОМ ГОРОДЕ

Константин Глазков

Константин Глазков – аспирант департамента социологии НИУ ВШЭ, имеет магистерскую степень по градостроительству. Адрес для переписки: ул. Вешняковского, д. 41, к. 1, кв. 11, Москва, 111538, Россия. glk@gorod.org.ru.

Автор выражает благодарность членам исследовательской команды летней полевой практики: Ивану Павлюткину, Григорию Юдину, Алисе Максимовой, Виктории Горностаевой и Анастасии Мокроусовой за обсуждение, поддержку и идеи, без которых эта статья была бы невозможна.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Локальное сообщество в малом городе: основания для объединения»), проект № 14-33-01339 при поддержке Научно-го фонда НИУ ВШЭ.

В статье описывается связь между методологическими возможностями ментальных карт и численностью населения городов, для исследования которых используется метод. В качестве иллюстрации к рассуждению предлагается сравнение трех городов: Москвы, Кимр и Мышкина. Предпринятый анализ приводит к выводу о принципиальной необходимости столкновения обобщенных элементов ментального образа с внешними описаниями (с восприятием города извне, его брендом), которые позволяют очертить территориальные границы и смысловую форму воображаемого города.

Ключевые слова: ментальные карты; воображаемый город; городские сообщества; образ «чужого»

МАЛЫЙ ГОРОД: МЕЖДУ БРЕНДОМ И ОБРАЗОМ

Известные примеры успешных малых городов принято относить на счет грамотной политики презентации города вовне, иначе говоря – к появлению бренда города¹. Здесь специалисты, конечно, сделают необходимые оговорки, что одним брендом не обойтись, да и не так просто он появляется (Визгалов 2011:36–37). Так или иначе, бренд города – это символ, который (желательно) выгодно отличает его от остальных, тем самым создавая конкурентные преимущества и возможности для развития.

¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно изучить материалы, которыми делятся друг с другом градоначальники на портале «Союз малых городов России» (<http://smgrf.ru/>).

На наш взгляд, здесь же таится опасность потерять «настоящий» город. Символ, ориентированный вовне, рискует оторваться от того, что он обозначает, или, по крайней мере, заслонить репрезентируемый объект. За брендом города порой сложно разобраться, а что же представляет собой конкретный город на самом деле, то есть каким его видят жители. Так, легко допустить подмену и отправиться в город, предварительно решив, что он, например, туристический, и все основные сюжеты его существования крутятся вокруг одной оси, которую транслирует бренд. В этом и заключается различие между брендом и образом города, образ в глазах жителей необязательно совпадает с репрезентацией вовне, скорее находится с ней в конфликтных отношениях.

В настоящей работе мы будем опираться на данные, собранные в трех городах, которые различаются по своим масштабам. Это Москва, Кимры и Мышкин. По самым скромным оценкам, в Москве на данный момент проживает порядка 12 млн жителей, в то время как в Кимрах – 47 тыс., а в Мышкине – 6 тыс. жителей. Наиболее подробно мы проанализируем ситуацию именно в этом последнем городе. Случай Мышкина показателен по двум причинам. Во-первых, Мышкин – один из самых любимых урбанистами примеров. Этот малый город сумел привлечь к себе внимание туристов за счет грамотного позиционирования и создания своеобразного бренда. Привлекающие внимание «ярлыки» («провинциальная столица музеев», «город Мыши») затрудняют для исследователя задачу поиска внутреннего образа города, содержание и границы которого, возможно, поглощены сильным брендом. Во-вторых, Мышкин значительно меньше тех городов, для исследования которых принято использовать ментальные карты. Как мы покажем ниже, наиболее показательные исследования с использованием ментального картографирования были проведены в крупных мегаполисах. Естественно, что возникают сомнения в целесообразности поиска чего-то общего в городе, где, в силу малых размеров которого, потеряться в избыточном разнообразии невозможно.

Мы постараемся описать, *с какими проблемами сталкивается исследователь, когда пытается использовать ментальное картографирование на территориях с разной площадью и численностью населения. В чем особенности тех задач, которые стоят перед исследователем в малом и крупном городе?* Эти и другие вопросы, связанные с картографическими репрезентациями воображаемого города, станут предметом обсуждения в статье.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ МЕТОДА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ

Мы понимаем образ города как ментальную конструкцию, результат обобщения индивидуальных портретов города, созданных самими жителями. Для изучения образа города существует целый арсенал методик: от заданий на ориентирование до заданий на установление соответствий между текстовыми и визуальными описаниями местности². Отдельно среди таких методик принято выделять ментальные карты, которые превратились с течением времени в самостоятельную группу методов.

² Про одномерные и двумерные методики изучения территориального образа см.: Golledge (2005).

Впервые ментальные карты упоминаются в работах Кристофера Тробрриджа как «вообразимые карты»³ (*imaginary maps*). Тробрридж разрабатывает идею об эгоцентричном восприятии пространства, которое имеет расхождение с географическими картами и требует отдельного изучения (Trowbridge 1913). Из географии ментальные карты вскоре переключались в когнитивную психологию, где получили иное название – «когнитивные карты». Пионером в деле изучения пространственного образа и его связи с поведением является Эдвард Толман (Tolman 1948). Однако наиболее широко методика ментального картографирования стала применяться среди исследователей города и урбанистов, которые откинули сюжеты, связанные с погрешностью восприятия, противопоставления воображаемого и действительного, и сделали акцент на социальном аспекте образа⁴.

Необходимо отметить, что ментальная карта является результатом обобщения индивидуальных территориальных образов, запечатленных на бумаге. Так, карта местности, созданная одним человеком, отражает лишь его индивидуальный когнитивный стиль, который получает воплощение в карте. Применительно к случаю изучения индивидуального образа принято скорее говорить о когнитивной карте, а не о ментальной (Golledge 2005:329). В этом плане показательна структура анализа Стенли Милграма в исследовании «Психологические карты Парижа», где сначала приводится интерпретация скетчей, предпринятая исходя из биографических особенностей информанта⁵ (как психологу, Милграму близко понятие «“клинический” разбор»), а потом делаются выкладки, обобщающие полученные скетчи («собираемый образ»). «Для этой цели [составление собираемого образа] мы и переходим от “клинического” разбора индивидуальных карт к статистическому анализу всех тех карт, которые были составлены испытуемыми» (Милграм 2000:97).

В этом тексте нас в первую очередь будут интересовать проблемы, связанные с процедурой обобщения. Именно поэтому при анализе карт будет опущено рассмотрение индивидуальных особенностей (когнитивных карт) в пользу построения обобщенных образов (ментальных карт).

Ментальные карты позволяют получить обобщенный образ группы людей, которые являются его носителями. Надо понимать, что признание за конкретной группой «права» быть носителем образа делается исключительно из оснований,

³ Этот перевод вызывает множество критических замечаний. Тем не менее мы используем именно его, поскольку предлагаемые переводы («воображаемые карты», «карты воображаемости») обращаются к таким понятиям как «воображаемое», «воображаемость», а они в свою очередь являются категориями, выходящими за пределы субъективного восприятия, и при этом обладают сбивающими с толку коннотациями («фиктивное», «выдуманное», «город-фикция»). В то время как «вообразимое» отсылает нас к субъективной возможности представить объект в собственном воображении, что значительно ближе к нашему пониманию термина.

⁴ Подробнее об истории развития методики ментального картографирования, о способах анализа ментальных карт и их отличии от когнитивных карт см.: Глазков (2013).

⁵ «Карта 108. Испытуемый – коммерческий агент 25 лет, с университетским образованием в области физической химии. Первое, что он нанес на карту, были бульвары Сен-Жермен и Сен-Мишель, затем факультет естественных наук в Университете Жюлье. Это говорит о том, что его студенческий опыт продолжает доминировать...» (Милграм 2000:93).

выбранных самим исследователем. Причем это «право» на практике часто закрепляется за населением по отношению к границам населенного пункта его проживания. То есть жители города априори выступают в качестве носителя обобщенного образа этого города. Понятно, что города бывают разными (и различаются, среди прочего, площадью, структурой и численностью населения). Поэтому логично предположить, что характеристики образа будут различаться уже по одной этой причине.

Какие именно ограничения на специфику образа накладывает сама территория, которая находится под рассмотрением? Следует отметить, что классические работы 1960-х годов с использованием ментальных карт выполнены на материале больших городов. Так, Кевин Линч занимался изучением ментального образа таких городов, как Бостон (в 1960 году там было 700 тыс. жителей), Джерси-Сити (280 тыс.), Лос-Анджелес (2 млн 500 тыс.) (Линч 1982:116–121); Стенли Милграм рассматривал Париж (2 млн 800 тыс.) и Нью-Йорк (7 млн 800 тыс.) (Милграм 2000:78–116). Не указывает ли опыт этих исследований на возможность использования ментальных карт только в крупных городах и мегаполисах? И, если это не так, то в чем специфика применения метода в городах меньшего размера?

Необходимо отметить, что здесь речь идет именно о классических текстах. В более поздних работах метод ментальных карт применялся и в малых городах, однако в этих исследованиях в центре внимания обычно – практические проблемы (первое знакомство с местностью, улучшение навыков навигации и т.д.)⁶. Тем самым, такие важные для нашего рассмотрения проблемы, как целостность образа города и места сопричастности городского сообщества, в этих работах отступают на второй план.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ В ГОРОДАХ РАЗНЫХ МАСШТАБОВ

Мы реализовали в Мышкине, Кимрах и Москве три самостоятельных исследования⁷, выполненных в русле одной методологии. С информантами проводились глу-

⁶ Более подробно см.: Rovine and Weisman (1989); Guy, Curtis, and Crotts (1990); O'Neill (1992).

⁷ В Кимрах полевая работа проводилась в рамках Летней школы журнала «Русский репортер» в июле 2013 года (собрано 16 интервью и сопутствующие им скетчи города). Подбор информантов осуществлялся по принципу «снежного кома» – по месту работы информанта. По ключевым информантам можно выделить три категории опрошенных: по линии сотрудников городской газеты, местных активистов и администрации. Большинство опрошенных родились и постоянно проживают в Кимрах. Лишь трое перебрались в город во взрослом возрасте. В Мышкине исследование проводилось в рамках Летней полевой практики департамента социологии НИУ ВШЭ в августе 2013 года (14 интервью и скетчей города). Этап интервью предварялся этапом блиц-опросов в центре города, в ходе которых были собраны контакты информантов. Сами интервью проходили по месту жительства или работы. Большинство опрошенных давно проживают в Мышкине на постоянной основе, несколько человек приезжают туда лишь на летнее время. В Москве исследование было организовано в рамках исследовательского проекта «Теплая Москва» в марте–апреле 2014 года (четыре фокус-группы, 22 информанта, четыре общих скетча города). Участниками проекта стали студенты НИУ ВШЭ, которые были отобраны из числа

бинные интервью (или фокус-группы), в рамках которых шел разговор о местах в городе, имеющих личное значение для человека. Попутно информант выполнял задание, в котором указывал эти места на прорисованной им схеме-карте города.

В качестве первой характеристики для сравнения трех городов возьмем долю мест с высокой «степенью вообразимости» (*level of imageability*) (Линч 1982), иначе говоря, упоминаемые чаще других. Такие места являются основными элементами собирательного образа, это значит, что их выявление – первостепенная задача любого исследования, использующего ментальное картографирование.

В рамках изучения образа Москвы было выявлено всего 193 места, из которых 25 (13%⁸) имеют высокую частоту упоминания. Высокая степень вообразимости в данном случае понималась как ситуация, когда упоминание одного и того же места появлялось в рассказах каждого четвертого информанта. В Кимрах было выделено всего 53 места, из них – десять (19%) мест с высокой частотой упоминания. В Мышкине всего 24 места, из них – девять (38%) мест с высокой частотой упоминания.

По этим данным видно, как вслед за численностью населения падает общее (абсолютное) количество упомянутых мест (от 193 мест в Москве до 24 мест в Мышкине), и в то же время растет доля мест с высокой степенью вообразимости (от 13% в Москве до 38% в Мышкине). Для Москвы также характерна высокая доля «уникальных» мест, которые упоминаются лишь одним информантом. Они составили 58% от всего количества мест (112 из 193). Значительная степень разобщенности в описаниях такого мегаполиса, как Москва, указывает на сложную структуру города (полицентричную, с подчиненными субцентрами) и сложность ее опытного (непосредственного) освоения.

Помимо оценки структурных свойств перед ментальными картами зачастую ставится задача по поиску городских сообществ. В случае Москвы с ее высокой долей разобщенности выделение сплоченных внутригородских группировок (тех же сообществ) невозможно: этому препятствует не только техническое ограничение по сложности сбора огромного массива качественных данных, но и содержательное ограничение, связанное с низкой долей совместно упомянутых мест для всех сообществ города. Иными словами, даже если удастся собрать данные, которые позволяют выделить внутри города гомогенные, с точки зрения описанного в них образа, группы, то, скорее всего, возникнет вопрос, почему мы

студентов, обучающихся в разных корпусах, так, чтобы состав был как можно более разнородным. В состав вошли студенты разных ступеней обучения, городов (где заканчивали школу), мест проживания (в общежитии, в собственном жилье).

С самого начала при организации исследований не было задачи сравнивать города, поэтому можно наблюдать некоторые различия в процедуре сбора данных и количестве собранных карт. Тем не менее мы попытаемся проиллюстрировать некоторые наши рассуждения этими примерами, ни в коем случае не претендуя на универсальность обобщений.

⁸ Тот факт, что данные здесь приведены в процентах, обусловлен не стремлением к количественной обработке и репрезентативности данных, а простым переходом от абсолютных величин (количества мест) к относительным. Сравнение указанных городов по абсолютным значениям не имеет смысла в силу различий в масштабах.

относим эти группы к одному городу. При малой доле общих мест группы как бы пребывают в собственных мирах, внутри которых Москва разная, а «разделяемая всеми» Москва получает размытое описание, свойственное мегагородам (Вахштайн 2014:29–30).

Применительно к городу меньшего масштаба – Кимры – задача по выявлению городских сообществ является более релевантной. Обобщенный образ города характеризуется наличием четко очерченного набора мест со значительным уровнем воображимости. То есть одни и те же места упоминаются в большинстве рассказов жителей. При этом в описаниях города встречается существенное количество мест, которые присутствуют в скетчах лишь части информантов (см. рис. 1). При отдельном их рассмотрении доля внутригрупповой однородности резко поднимается. То есть если разбить жителей на группы и рассматривать их карты по отдельности, то набор самих воображимых мест внутри групп становится более схожим. На практике это выражается в увеличении доли мест с высокой частотой упоминания – от 19% (для всей выборки по городу Кимры) до 35–45% (для отдельно взятого сообщества). Такого рода закономерности дают основания для более детального анализа, в котором будет сделан акцент на подробном описании выявленных сообществ, на механизмах их «сборки» и обретения сплоченности.

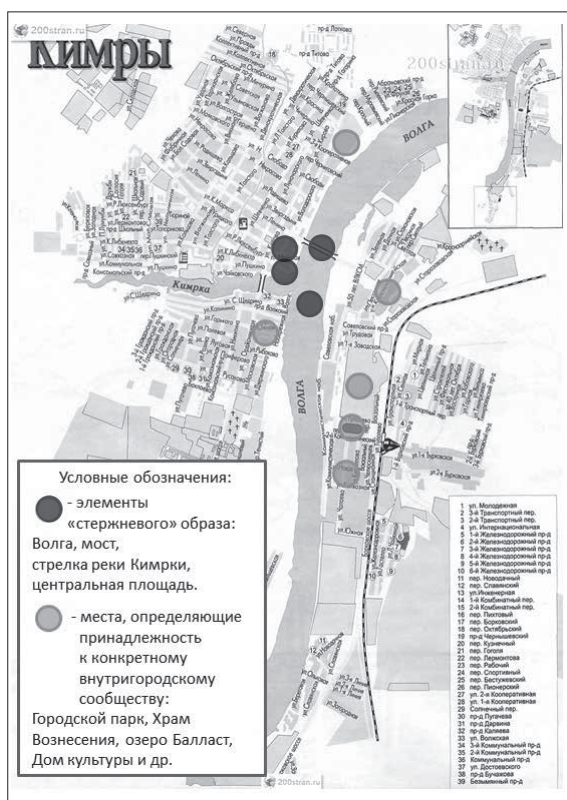

Рис. 1. Карта города Кимры с указанием общегородских мест и мест внутригородских сообществ.

Несколько иная ситуация складывается по данным, собранным в Мышкине. Мышкин, по сравнению с Москвой и Кимрами, имеет небольшое население, которое компактно проживает в основном на левом берегу Волги.

Как мы уже отметили выше, для Мышкина характерна высокая однородность описания города, то есть существенное сходство в наборе мест при описании города местными жителями. Примерно каждый третий упоминает определенный набор мест, которые являются важными для формирования образа города (четыре и более упоминания) (см. рис. 2). В основном это места, играющие важную роль в повседневной жизни города. Среди них так называемый «бульвар» – набережная Волги, основное место прогулок, с которого открывается вид на реку; дом культуры, в котором проводятся разного рода мероприятия и показы фильмов; единственная общеобразовательная школа; родник, на который местные жители ходят за питьевой водой (из-за низкого качества водопроводной воды); Успенский храм с прилегающей центральной площадью, где проходят общегородские праздники; станция паромной переправы, которая, за неимением моста, является ближайшим местом, через которое осуществляется связь с противоположным берегом. Чуть реже (три упоминания) в скетчах города встречаются улица Карла Либкнехта – основная транспортная артерия города, и улица Газовиков, на которой в пятиэтажных кварталах проживает значительная часть жителей.

Рис. 2. Карта Мышкина и места с высокой долей упоминаний в скетчах города⁹.

⁹ Часто упоминаемые места – места, которые встречаются в ментальных картах в 36% случаев и чаще (у 5 и более информантов из 14). Редко упоминаемые места – места, которые встречаются в ментальных картах в 20–30% случаев (у 3–4 информантов из 14). Неупомянутые места – места, которые встречаются в ментальных картах реже, чем в 15% случаев (2 и менее информанта).

В связи с высокой однородностью описаний города вопрос о скрупулезном поиске элементов «стержневого» образа или характеристик внутригородских групп можно счесть излишним. Если упростить, то можно сказать, что «клинический» разбор одного скетча позволяет обеспечить существенное покрытие всей информации о сообществе, которое проживает в городе, и о тех местах, с которыми оно связано. Это не значит, что неотъемлемая для ментальных карт процедура обобщения становится ненужной. Мы пытаемся обозначить тот факт, что в случае малого города существенно выше вероятность получения монотонно однородных городских описаний, при работе с которыми продуктивнее занять позицию «поиска чужеродности», чем позицию «укрепления однородности».

Несмотря на «девальвацию» задачи обобщения, предельный случай одного сообщества и однородного образа города позволяет сформулировать принципиально иную проблему для исследователя. В случае Мышкина немалое значение играет тот факт, что это город туристический, «провинциальная столица музеев», которая входит в теплоходные туры по Золотому кольцу. Столь высокий статус города неслучаен, этому сопутствует наличие всей необходимой инфраструктуры: речной вокзал, два сохранившихся православных собора (Успенский и Никольский), многочисленные для небольшого города (порядка пятнадцати) музеи и благоустроенный пешеходный маршрут, проложенный от одного музея к другому. Однако вся эта инфраструктура практически полностью игнорируется в скетчах местных жителей. Для малого города выпадение из группового образа таких существенных объектов, скорее всего, носит не случайный, а систематический характер. Поэтому предметом дальнейшего рассмотрения для исследователя могут стать не те места, которые есть на скетчах, а те места, которых на них нет.

В силу отсутствия структурно важных объектов туристической инфраструктуры на скетчах Мышкина и, возможно, конструируемой исследователем принадлежности местных жителей к носителям образа, возникает вопрос: «Как тогда можно определить границы города и относящиеся к нему составляющие?» В случае Мышкина мы наблюдаем, что из собирательного образа города выпадает его значительная часть, связанная с туризмом¹⁰ (см. рис. 2, «Музейная зона»). Эта часть города находится в самом центре, она одновременно и связана с ним неразрывно, и отторгается жителями как чужеродная. Таким образом, полученный нами обобщенный образ города включает отсутствующее присутствие «чужого» (Зимель [1908] 2008:7–8). «Чужое» ограничивается объектами, обслуживающими внешний бренд, размещается в границах города, оставаясь при этом неупомянутым. Является ли при этом «чужое» частью города – непонятно.

На наш взгляд, отношения «свой – чужой» имманентно присущи процедуре обобщения ментальных карт. В случае Кимр «чужое» маркирует границы внутригородских сообществ, миры которых пересекаются, но остаются специфичными. В ситуации с Москвой в «чужое» помещаются все внутренние и внешние противоречия города, что выражается в обрывистой связи с городом москвичей

¹⁰ Тема взаимосвязи «города» и «туризма» в Мышкине являлась одной из центральных для исследовательской работы во время Летней полевой практики 2013 года и активно обсуждается в других исследовательских проектах.

и друг с другом (Ревзин, Тарновецкая, Чубукова 2013). К сожалению, ментальные карты не дают ответа на вопрос о взаимосвязи «своего» и «чужого», они позволяют лишь обозначить эту проблему, суть ее заключается в необходимости противопоставления найденного образа чему-то иному. В случае Москвы выделенный образ города у москвичей противопоставляется отсутствию целостного образа у чужаков, а порой – и у самих москвичей; в случае Кимр – фрагментарным образам, носителями которых являются разные городские сообщества; в случае Мышкина – несколько инородной инфраструктуре, ориентированной на туристов.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДА: СТИЛИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОБРАЗА И ГИПОТЕЗА О ВОЗРАСТЕ

Перед тем, как перейти к выводам, отметим еще два немаловажных момента, связанных с вопросом использования ментальных карт в малом городе.

В ходе сбора данных в Мышкине исследователи нередко сталкивались с ситуацией, когда информант затруднялся нарисовать скетч города. Это не означало, что человек не способен рассказать о городе, но он испытывал трудности в выполнении самого задания «нарисуйте город». Мы неслучайно упомянули в начале работы, что ментальные карты являются лишь одной из многих методик по изучению ментального образа, который ни в коем случае не приравнивается к самой карте. Необходимо признать, что ментальной карте присуща «метафорика плоского мира», который строго упорядочен пространственно, имеет заданные координаты объектов и всегда доступен для просмотра сверху в бумажной или электронной версии. Полевой опыт показал, что в отличие от обитателей мегаполиса, жителям малых городов удобнее выстраивать повествование о городе, связывая значимые объекты между собой, представляя его как путь от одного объекта к другому, причем в качестве точки отсчета часто берется место проведения интервью. Из 14 карт шесть выполнены именно в таком формате.

В связи с этим можно было бы предложить два способа преодоления подобного ограничения. Первый способ связан с выделением двух базовых стилей структурирования города: пространственного и последовательного (Appleyard 1970). Если пространственный стиль в большей степени напоминает обычную карту, то последовательный – карту-инструкцию, где расстояния между объектами и сама логика перехода между ними подчинены маршруту перемещения. То есть неважно, где находится объект, важно, как до него можно добраться. Второй способ: напротив, исследователь может попытаться разорвать отношения с картографическими репрезентациями, противопоставить (вслед за Мишелем де Серто) тактики и стратегии, а затем перейти к методам изучения ментального образа, более подходящим для категорий пути и маршрута. Именно к такому классу методов относятся задания на ориентирование и биографические прогулки.

Однако, на наш взгляд, проблема, возникающая при выполнении задания на ментальное картографирование, связана не только с размерами города, но и с возрастом информантов. Среди представителей младшего поколения все большее распространение получают технологии, которые обеспечивают бесперебойный доступ к картографическим материалам. Людям старшего возраста такие технологии по ряду причин менее доступны, что, возможно, затрудняет формирование образа города, представленного «сверху». Одни практики ориентирования в городе замещают другие, которые между тем ни в чем не уступают последним по точности и практической значимости. К сожалению, озвученная нами интерпретация остается лишь догадкой, которая требует дополнительной проверки. Пока можно лишь предположить, что в малых городах России в среднем выше возраст населения, чем в Москве, и, как следствие, выше вероятность столкнуться с отсутствием повсеместного использования сервиса «Яндекс.Карты» и других подобных ему. Однако соединение этих двух фактов никак не указывает на то, что образ малого города не может быть организован в виде карты. Скорее, это подталкивает исследователей быть более чувствительными к особенностям своих информантов, адекватно формулируя задание и выбирая место для опроса. В силу разных способов организации репрезентаций города он может по-разному осваиваться, использоваться и «проживаться».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как демонстрируют приведенные примеры, результаты ментального картографирования и задачи, которые может поставить перед собой исследователь, зависят от масштаба территории (размера города), применительно к которой используется этот метод. Используя ментальные карты в крупном городе (более 100 тыс. жителей¹¹), удастся выявить лишь основные точки вообразимости, которые на общегородском уровне создают символическую «сцепку» между горожанами, или явления, препятствующие этому («барьеры», «границы», «разрывы»¹²). В среднем городе (от 10 до 100 тыс. жителей) скетчи дают более однородное описание города, что позволяет выделять и противопоставлять друг другу внутригородские сообщества, которые имеют приблизительно очерченную территорию проживания (другими словами, «вернакулярный район»), приложения труда и досуга. В малом городе (менее 10 тыс. жителей) описанные выше задачи как бы вбираются одна в другую. Задача по определению

¹¹ Здесь численность населения дается лишь в качестве ориентира и справедлива лишь для трех кейсов, которые рассматриваются в настоящей работе. В данном случае она нарушает общепринятую градостроительную классификацию. Тем не менее мы приводим приблизительные значения, чтобы построить формализованную гипотезу и придать содержательным особенностям поселения количественные характеристики.

¹² Отношения связанности и разрыва между элементами воображаемого города в первую очередь интересовали Кевина Линча (1982), для которого они являлись определяющими факторами читаемости (*legibility*) образа.

«стержневых» мест и собираемого ими городского сообщества остается перво-степенной, но может потребовать от исследователя выхода за пределы методологических возможностей ментальных карт. Высокая степень однородности описаний города сама по себе не указывает на причины, которые обуславливают такую однородность, напротив, заставляет задуматься о вероятности искусственного конструирования образа с помощью факта опроса. В этом случае наиболее перспективной кажется ситуация столкновения рассматриваемого городского сообщества с внешними силами, которые могут трансформировать городское воображаемое, определяя его границы и форму.

Таким образом, вне зависимости от размера города исследователь, применяя ментальные карты, должен ставить перед собой не только задачу описать организацию внутреннего порядка, но и задачу описать границы столкновения и взаимопроникновения внутренних и внешних систем, которая, другими словами, сводится к рассмотрению оппозиции «свой – чужой». В этом отношении случай малого города более показателен, поскольку в более крупных городах эта проблема часто отходит на второй план из-за переизбытка разнородных городских описаний, обобщение которых само по себе является непростым упражнением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахштайн, Виктор. 2014. «Пересборка города: между языком и пространством». *Социология власти* 2:9–38.
- Визгалов, Денис. 2011. *Брендинг города*. М.: Фонд «Институт экономики города».
- Глазков, Константин. 2013. «Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика». *Социология власти* 3:39–56.
- Зиммель, Георг. [1908] 2008. «Экскурс о чужаке». С. 7–13 в *Социологическая теория: история, современность, перспективы*. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль.
- Линч, Кевин. 1982. *Образ города*. М.: Стройиздат.
- Милграм, Стенли. 2000. *Эксперимент в социальной психологии*. СПб.: Питер.
- Ревзин, Григорий, Розалия Тарновецкая и Маргарита Чубукова. 2013. *Мета-города в стране Москва*. М.: Московский урбанистический форум.
- Appleyard, Donald. 1970. "Styles and Methods of Structuring a City." *Environment and Behavior* 2(1):100–116.
- Golledge, Reginald George. 2005. "Cognitive Maps." Pp. 329–339 in *Encyclopedia of Social Measurement*, Vol. 1, edited by Kimberly Kempf Leonard. Boston: Elsevier.
- Guy, Bonnie S., William W. Curtis, and John C. Crotts. 1990. "Environmental Learning of First-Time Travelers." *Annals of Tourism Research* 17(3):419–431.
- O'Neill, Michael J. 1992. "Effects of Familiarity and Plan Complexity on Wayfinding in Simulated Buildings." *Journal of Environmental Psychology* 12(4):319–327.
- Rovine, Michael J., and Gerald D. Weisman. 1989. "Sketch-Map Variables as Predictors of Way-Finding Performance." *Journal of Environmental Psychology* 9(3):217–232.
- Tolman, Edward Chace. 1948. "Cognitive Maps in Rats and Men." *Psychological Review* 55(4):189–208.
- Trowbridge, Christopher C. 1913. "On Fundamental Methods of Orientation and 'Imaginary Maps.'" *Science* 38(990):888–897.

MENTAL MAPS: THE METHOD'S LIMITATIONS AND A "STRANGE" IMAGE IN A SMALL TOWN

Konstantin Glazkov

Konstantin Glazkov is a doctoral student in the Department of Sociology, National Research University–Higher School of Economics, with master's degree in urban studies and planning. Address for correspondence: Veshniakovskaia ul., 41, k. 1, kv. 1, Moscow, 111538, Russia. glk@gorod.org.ru.

The author expresses gratitude to the members of the summer research expedition, namely Ivan Pavlyutkin, Greg Yudin, Alisa Maximova, Victoria Gornostaeva, and Anastasia Mokrousova, for their discussion, support, and ideas without which this paper would have been impossible.

In this paper I describe the relationship between the methodological possibilities and limitations of mental maps and the size of urban communities where the method is used. To illustrate my findings, I compare three Russian cities: Moscow, Kimry, and Myshkin. From this analysis I conclude that generalized elements of cities' mental images must be supplemented with their exogenous descriptions (out-descriptions, brand images) that allow to delineate territorial boundaries and a semantic form of imaginary city.

Keywords: Mental Maps; Imaginary City; Urban Communities; "Strange" Image